

Глава 1

Если бы Джемму спросили сейчас, хочет ли она получить эту работу, она бы ответила без колебаний: да, хочу! Если ради этой работы ей пришлось бы кого-нибудь убить, она бы убила без колебаний.

Стоя рядом с миссис Фразьер посреди кладовки, полной грязных старых коробок, громоздящихся на деревянных полках, она думала о том, что в жизни не видела ничего красивее этого.

— Первоисточники! — восторженно вопил внутренний голос. Она смотрела на ящики, полные документов, к которым не прикасалась ни одна рука вот уже несколько сотен лет.

Миссис Фразьер, статная и величавая, взирала на Джемму с высоты своего гренадерского роста, очевидно, ожидая от Джеммы каких-нибудь приличествующих случаю слов. Но как могла Джемма передать словами свои чувства? Всю свою жизнь она обожала историю. Кому дано понять, какие захватывающие приключения обещали ей эти пожелтевшие листы? Могла ли она рассказать миссис Фразьер о том, что чувствует себя словно охотник в предвкушении добычи?..

— Возможно, эта работа может показаться неподъемной, — сказала миссис Фразьер, шелкнув выключателем,

явно давая Джемме понять, что свидание с драгоценными коробками и их таинственным содержимым подошло к концу. Джемма неохотно прошла следом за хозяйкой в уютную гостиную. Даже гостевой дом, который представлялся тому, кто получит эту работу, показался Джемме поистине райским местом. В нем была просторная жилая комната с кухней, большая спальня со смежной ванной комнатой и кладовка, которую они только что видели. В доме также имелся необычайно красивый и просторный кабинет с застекленными дверьми, выходящими в сад. Возле дома был гараж на три машины, который от пола до потолка был заставлен коробками с еще не разобранными документами.

Джемму не покидали мысли о необъятности той работы, что ей предстояло выполнить. Когда научный руководитель отправил ей электронное письмо, в котором сообщил, что ему удалось договориться о ее встрече с потенциальным работодателем, предлагающим временную работу в крохотном городке под названием Эдилин в штате Виргиния, Джемма очень обрадовалась, но он пояснил, что ее потенциальный работодатель, вернее, работодательница, его бывшая сокурсница, хочет нанять кого-то, кто изучил бы документы, хранящиеся в ее семейном архиве, и написал бы историю семьи, Джемма испытала разочарование. Что за историю ей предстояло написать? О прабабушке и Эллис Айленд? Слишком, слишком скучно.

Чтобы не показаться невежливой, Джемма нашла время встретиться со своим куратором лично и заехала к не-

* С 1892 г. на острове стала функционировать иммиграционная служба федерального правительства. Как считается, с 1892 по 1924 г. через Эллис Айленд было пропущено более 16 млн человек. Не менее трети из них осели в самом Нью-Йорке. Иммиграционная служба прекратила свое функционирование на острове в 1954 г., сейчас же там открыт Музей иммиграции. — *Здесь и далее примеч. пер.*

му в тот же день, как получила письмо. Отвечать по электронной почте она не стала из соображений учтивости. Извинившись перед ним, Джемма сообщила, что, поскольку ее курсовая работа сейчас закончена, ей необходимо приступить к написанию диссертации для получения ученой степени доктора философии и совмещать работу над диссертацией с работой над семейными архивами у нее вряд ли получится.

— Я думаю, вам следует на это взглянуть. — Научный руководитель протянул ей письмо, напечатанное на дорогой тяжелой веленовой бумаге. В письме сообщалось, что миссис Перегрин Фразьер распорядилась доставить в Америку из фамильного поместья ее мужа в Англии несколько сотен ящиков с документами, относящимися к периоду с шестнадцатого века по двадцатый. И она предлагала работу тому, кто взялся бы каталогизировать эти документы, изучить и на базе проведенных исследований написать историю семьи.

Во взгляде Джеммы проснулся интерес. Шестнадцатый век и несколько сотен ящиков с документами — это как-то не укладывалось в общепринятые представления о семейных архивах.

— Кто еще видел эти документы?

— Крысы, мыши, — ответил ее руководитель и протянул Джемме пухлый конверт. — Все найдете там. Бумаги хранились на чердаке с тех самых пор, как этот дом был построен, — со времен правления королевы Елизаветы. Что касается происхождения семьи, то они были аристократами. Старинный графский род Риптонов. Недавно дом был выставлен на торги и достался компании по торговле недвижимостью, которая потребовала от бывших хозяев очистить чердаки, и потому пришлось устроить аукцион.

Джемма опустила на стул — можно сказать, рухнула.

— Так эта миссис Фразьер...

— Отправилась в Англию и выкупила все те бумаги, что хранились в доме на протяжении нескольких сотен лет. Похоже, на аукционе имела место война предложений*, но миссис Фразьер получила все. У меня сложилось впечатление, что она женщина не промах, и, если ей чего захочется, она своего добьется.

Джемма смотрела на письмо.

— И никто не знает, что там?

— Нет. Аукционный дом все свалил в одну кучу и разделил на лоты. Никто ничего не разбирает, не открывает, не смотрит. В этом и состоит вся интрига. Вполне возможно, в этих ящиках не окажется ничего, кроме бухгалтерских книг и счетов, которые если и представляют интерес, то лишь для членов семьи. Возможно, потомки графа придут в восторг, узнав, сколько говядины было закуплено их предком в 1742 году, но едва ли этот факт заставит испытать возбуждение кого-то еще. Никак не материал для диссертации. — Куратор помолчал. — Но с тем же успехом можно рассчитывать на то, что среди этих бумаг найдется нечто представляющее интерес для более широких кругов, — с улыбкой добавил он.

Джемма пыталась переварить полученную информацию.

— Сколько времени, по мнению миссис Фразьер, потребуется одному человеку без помощников, чтобы просмотреть эти документы и составить по ним историю семьи?

— Она предлагает для начала два года, и это включает бесплатное проживание на территории ее семейных владений, пользование машиной и жалование в двадцать пять тысяч долларов в год. Если работа не будет закон-

* Война предложений, или аукционная война, — термин относится к ситуации, когда двое или более потенциальных покупателей или продавцов борются друг с другом за право приобретения товара/получения заказа.

чена за два года... — Он пожал плечами. — Я думаю, она смирится с тем, что работа займет столько времени, сколько потребуется. Если бы у меня не было жены и детей, я бы сам за нее взялся.

Джемма продолжала обдумывать факты. Возможно, она сможет написать диссертацию, раскопав что-то стоящее в этом огромном массиве данных. Тему она еще выбрать не успела и тем более не начинала проводить никаких исследований. Она подняла глаза на своего руководителя.

— Все хорошо, но в чем уловка?

— Тебе предстоит довольно жесткая конкуренция.

Куратор замолчал в нерешительности, из чего Джемма сделала вывод, что ей не понравится то, что он имеет ей сообщить.

— С кем?

— С Кирком Лоуренсом и Айлой Уилмонт.

Джемма не могла скрыть удивления. Они были ее одноклассниками, как и она, заканчивали аспирантуру, но на этом сходство заканчивалось.

— Зачем Кирку или Айле такая работа?

— Я слышал, что в семье три взрослых сына. Неженатых. Богатых.

Джемма хмыкнула.

— Тогда с Айлой все понятно, но при чем тут Кирк?

— Насколько я понимаю, трастовый фонд, который учредил его покойный отец, оплачивает его расходы, пока Кирк учится. Все, что от него требуется, это втереться в доверие к леди Фразьер, чтобы она его наняла, а там он может отложить защиту диссертации на годы. Я слышал, что, если ему не удастся найти работу сразу после окончания учебы, ему придется заняться семейным бизнесом, то есть делать окна и двери. — Куратор пристально посмотрел на Джемму. — Эти документы могут предоставить вам отличную возможность для публикации.

Джемма задержала дыхание. Для того, кто избрал для себя академическую карьеру, публикация в уважаемом научном журнале — единственная возможность заявить о себе и сделать себе имя.

— Откуда эта миссис Фразьер обо мне узнала?

— Похоже, ректор университета ее добрый приятель. Пару месяцев назад он попросил всю профессию исторического университета прислать ему сведения о студентах, которых можно было бы рекомендовать на эту работу. Каждый из нас направил ему несколько рекомендаций, и вы оказались в их числе. Кстати, я написал для вас блестящую рекомендацию, сообщив, что вы являетесь лучшей кандидатурой для этой работы.

— И я уверена, что кто-то или, возможно, человек шесть-семь с кафедры отправили такие же письма о Кирке и Айле.

— Не сомневаюсь, что так оно и было, — сказал куратор. — Разница состоит в том, что я написал правду. Вы ведь поедете на собеседование, верно?

— Конечно. Если даже ничего не получится, мне все равно удастся взглянуть на эти таинственные бумаги. — Джемма уже открыла дверь, но вдруг обернулась и спросила: — Вы ведь понимаете, что если эта миссис Фразьер владеет поместьем, то у них принято играть в гольф в загородных клубах и пользоваться тремя вилами за ужином. Кирк и Айла из числа тех, кто вполне устроил бы ее в качестве ближайших соседей, но Джемма Рэнфорд, которая...

— Которая за неделю сделает больше, чем эти мотыльки за год.

— Спасибо, — сказала Джемма, забросив на плечо тяжелую сумку.

Куратор проводил ее взглядом. Он был бы рад, если бы Джемма получила эту «непыльную» работу. Если кто-то и заслужил передышку, то это Джемма. Он никогда не

встречал студентов, а тем более аспирантов, которые трудились бы усерднее, чем она.

— Так куда вы сейчас направляетесь?

— Угадайте.

Он усмехнулся.

— Колотить мальчиков?

— Точно. Как еще я могу заставить их учиться?

Выйдя из кабинета, Джемма сунула письмо в спортивную сумку.

В тот вечер Джемма закрыла дверь спальни, залезла в кровать и начала изучать содержимое конверта, переданного ей от миссис Фразьер. В одиннадцать одна из ее соседок по квартире вернулась домой, известив о своем появлении идиотским хихиканьем. Кажется, она успела наткнуться на всю мебель, которая была в холле, прежде чем вместе со своим очередным бойфрендом завалилась в спальню. А потом началась какофония уже иного свойства.

Джемма накрылась одеялом с головой и продолжила читать, подсвечивая листы фонариком. Там были фотографии поместья Фразьер. Двадцать пять акров земли, большой дом и еще два гостевых домика среди деревьев. Семейство Фразьер владело четырьмя очень крупными агентствами по продаже автомобилей в Виргинии, и в конверт была вложена рекламная брошюра одного из них, расположенного в Ричмонде. Наиболее часто встречающееся слово в этой брошюре было «крупнейший» во всех падежах.

Но Джемму не интересовали цифры продаж и прочее. Все ее мысли были о том, что ей представится возможность покопаться в старинных документах и увидеть то, что вот уже несколько веков никто не видел.

Из комнаты соседки донесся глухой стук, словно кто-то свалился на пол с кровати.

— И еще тишина и покой, чтобы ничто не отвлекало мое внимание, — сказала она вслух.

Когда характерные звуки из спальни соседки стали громче, Джемма накрыла голову подушкой. Она не могла позволить себе снимать отдельную квартиру. Деньги, что она получала, давая уроки, кажется, почти всем членам университетских спортивных команд, уходили на оплату учебы. Она сама порой удивлялась, как ей удается жить на то, что оставалось после оплаты обучения.

Сейчас ей предстояло работать над диссертацией, и потому денежный вопрос вставал особенно остро. Углубленные исследования стоили денег. Скорее всего потребуются средства на разъезды. И еще надо покупать книги, канцелярские товары, заказывать ксерокопии. Весь последний учебный год ее не покидала тревога — а сможет ли она все это потянуть? Но от получения ученой степени зависели перспективы найти престижную работу. Одно дело — преподавать в каком-нибудь профессиональном училище, и совсем другое — в ведущем университете. Если ей удастся сделать диссертацию на базе документов Фразьер, многие, если не все, ее проблемы будут решены.

Звуки из комнаты напротив сделались еще громче, и Джемма прижала подушку к ушам.

— Я попытаюсь, — прошептала она. — Скорее всего проиграю мотылькам, но намерена выложиться по полной.

Вот так она очутилась в гостевом доме с властолюбивой миссис Фразьер. Часы показывали одиннадцать часов утра. Погода была чудесная, в воздухе разливались весенние ароматы. Джемма всего несколько минут назад приехала из аэропорта, и миссис Фразьер сообщила ей, что Кирк и Айла уже здесь. Могла бы догадаться, подумала Джемма, что эти двое придут сюда за сутки до назначенного собеседования — слишком силен в них обо-

их дух конкуренции. И к настоящему моменту миссис Фразьер уже, должно быть, влюбилась в них обоих, подумала Джемма. В конце концов, Кирк и Айла славились своим обаянием.

«Эти двое — цвет исторического факультета!» — так о них отозвался один профессор на вечеринке, где гуляли и студенты, и преподаватели.

«Умные и начитанные. О таких студентах можно только мечтать», — ответил первому профессору второй. Джемма услышала этот разговор потому, что оказалась рядом, разнося напитки на той вечеринке — еще одна подработка.

— Моя машина здесь, — сказала миссис Фразьер, взглянув из окна гостиной. Перед домом стоял маленький внедорожник с грузовой платформой позади кабины. За рулем сидел крупный и видный молодой человек. — Вы бы хотели познакомиться с моим сыном? — спросила миссис Фразьер.

Джемма понимала, что правила приличия требуют от нее выйти из дома и поприветствовать сына миссис Фразьер, но ей страшно не хотелось покидать гостевой дом и сокровища, что в нем таились.

— Или вы предпочли бы немного побыть тут одна? — ласково, словно общаясь с маленьким ребенком, спросила миссис Фразьер.

— Я бы осталась здесь, если вы не возражаете, — пролепетала Джемма.

— Хорошо, — сказала миссис Фразьер и направилась к двери. — Ленч в час. Отсюда до дома пешком минут десять. Или вы хотите, чтобы за вами приехала машина?

— Я прогуляюсь, — сказала Джемма.

Миссис Фразьер села в «универсал» и уехала.

Как только внедорожник отъехал, Джемма чуть ли не бегом бросилась в кабинет. Судя по запаху краски, его от-

ремонтировали совсем недавно. Вдоль трех стен тянулись красивые полки из вишневого дерева, нижний ярус занимали шкафы. Напротив застекленных двойных дверей стоял старинный письменный стол, широкий, с обитыми бронзовыми уголками краями. На полу лежал персидский ковер, настолько истертый, что не трудно было представить, что по нему ходили на протяжении многих веков. Две картины на стенах по обе стороны дверей изображали сцены конной охоты.

Джемма сочла, что комната божественно прекрасна. Чего еще можно желать, когда за стеклянными дверьми раскинулся чудный сад, а полки ломятся от документов, к которым еще не прикасалась рука историка? Она готова была остаться здесь навечно.

Джемма прошлась по комнате, пристально рассматривая все, на что падал взгляд. На полках стояли деревянные ящики и картонные коробки, корзины, которые выглядели так, словно вот-вот развалятся, пара металлических тазов, наполненных документами, и пачки бумаг, перевязанные старыми лентами. На полу стояли два обитых кожей сундука, один деревянный сундук побольше, который, наверное, служил еще и скамьей, с откидной крышкой, и еще несколько небольших деревянных сундуков, сплошь украшенных металлическими заклепками.

Джемма не представляла, с чего начинать. Боязливо, с чуть трясущимися от волнения руками, она подошла к круглой коробке, напоминающей шляпную картонку примерно 1920 года изготовления. Она очень надеялась, что, сняв крышку, обнаружит там не шляпку. История костюма не входила в число ее любимых предметов.

И тут она увидела, что в коробке лежат письма. У нее от радости даже перехватило дыхание. Письма и дневники — ее любимый материал! У дверей в сад стояло симпатичное, удобное на вид кресло, но Джемма уселась на

пол и вытащила из коробки первую стопку писем, перетянутых тесьмой. Она аккуратно вытащила первое письмо и развернула.

Часть письма отсутствовала. Почерк у автора этого письма был угловатый, с закорючками, так что каждая буква напоминала паука. Разобрать написанное оказалось нелегко. Джемме показалось, что тот, кто сохранил последнюю часть этого письма, преследовал какую-то цель. Что же такого важного содержало это послание, если от него не захотели избавиться?

«Сейчас я уже старая женщина, повидавшая на своем веку много такого, чего никому не пожелаю, особенно из-за этой гнусной войны, что едва не расколола нашу страну. И все же самые яркие мои воспоминания, воспоминания, при которых и сейчас с болью сжимается сердце, не о войне, а о том, что случилось с дорогими моему сердцу Джулиан и Уинни. Я никогда не верила той женщине, когда она, обливаясь слезами, говорила, что смерть Джулиана была случайной. И, что еще хуже, Эван, я думаю, тоже ей не верил. Я поведаю тебе тайну, которую хотела унести с собой в могилу. Помнишь ту истерию, что началась, когда пропал камень? Я наравне со всеми принимала участие в поисках, искала его так же самозабвенно, как все прочие, но только знала, что его не найдут, потому что взяла его с собой, когда отправилась в Англию тем далеким летом. Я хотела сама воспользоваться его магией, но кончилось тем, что загадала желание для Уинни. Я никогда никому об этом не говорила, но верю в то, что именно камень подарил им такое необыкновенно красивое дитя. На прошлой неделе я написала о том, как все было, с самого начала, и спрятала написанное там, где его не найдут чужие. Я надеюсь, что Фразьеры прочтут мою историю и узнают, что их родственница по

мужской линии сотворила с семьей Олдридж. Я надеюсь, что когда-нибудь потомки той женщины потеряют свое поместье. Они его не заслуживают! Больше писать не могу. Мои старые больные суставы не позволяют мне долго водить пером по бумаге.

С любовью, Тэмсен».

— Вау! — громко сказала Джемма. С первых же строк она уже наткнулась на тайну и любовную историю. Она взглянула на часы, сказала себе, что до ленча у нее еще полно времени, и, растянувшись на животе, погрузилась в чтение.

Глава 2

Колин Фразьер хмурился. Его ждали неотложные дела, но вместо того чтобы ими заниматься, он ехал в гостевой домик, чтобы забрать оттуда одну из студенток его матери. Двое остальных студентов уже были в главном доме и так мило щебетали с его матушкой, что, глядя на них, можно было подумать, что они родственники, потерявшиеся много лет назад и вдруг, по счастливой случайности, вернувшиеся в семейное лоно. Молодая женщина, Айла, постоянно повторяла, что все тут так «изысканно», в то время как мужчина пытался завоевать расположение брата Колина Ланни, развлекая его разговорами о машинах.

Что касается самого младшего брата Колина, Шеймаса, то тот стоял в стороне и вращал между пальцами монетку. Родители запретили Шеймасу, который был прирожденным художником, рисовать кого-либо с натуры из опасения, что он сотворит какую-нибудь возмутительную карикатуру на гостей и тем самым заставит родителей по-

чувствовать себя крайне неловко. Впрочем, отца это скорее позабавило бы — оказаться в неловком положении боялась их мать.

Все началось примерно три года назад, когда миссис Фразьер узнала о том, что последний граф Риптон, дальний родственник ее мужа, умер бездетным, из-за чего титул так никто и не унаследовал. Миссис Фразьер решила, что если титул удастся возродить, то ее муж сможет считать себя английским графом, а она соответственно — графиней.

Когда однажды вечером миссис Фразьер вынесла этот вопрос на обсуждение собравшейся в гостиной семьи, все трое ее младших сыновей едва не надорвали животы от смеха. Шеймас, который тогда еще учился в школе, схватил свой блокнот и нарисовал довольно злую карикатуру на мать, изобразив ее с короной на голове.

Рассмотрев рисунок, Элея Фразьер вскинула голову и удалилась из комнаты.

— Посмотри, чего ты добился, Шеймас, — сказал ее муж и добавил, обращаясь к остальным: — А вы сотрите ухмылки с физиономий и начинайте думать о том, как мы будем перед ней извиняться.

С тяжелым вздохом мистер Фразьер поднялся с любимого кресла и отправился на поиски жены, но в дверях остановился.

— Ваша мать придает этому особое значение, и потому я требую, чтобы вы прекратили над ней насмехаться. Если она хочет быть леди, она, черт возьми, имеет право ею стать. Усекли?

После его ухода на целых две минуты в комнате воцарилась тишина, после чего трое младших сыновей снова принялись хохотать.

Ланни, третий по старшинству, обратился к Колину, самому старшему, который один не смеялся:

— Эй, хватит напускать на себя серьезный вид. Разве ты не думаешь, что это жутко смешно?

Колин приподнял бровь.

— Что мне действительно хотелось бы знать, так это то, как далеко готова зайти наша мать в своем стремлении сделать нашего отца графом.

Перегрин, второй по старшинству сын, которого все в семье звали просто Пер, сказал:

— Думаешь, она заставит папу купить ей замок?

— Со рвом и крепостной стеной? — подхватил Ланни.

Пер, зажав в руке воображаемый меч, пошел на Ланни в атаку.

— Так что мы, братья, станем смертельными врагами и будем сражаться друг с другом за графский титул!

Шеймас тут же принялся зарисовывать шутовскую дуэль братьев.

В этот момент в комнату вернулся мистер Фразьер.

— Если вы, мальчики, что-нибудь сломаете, стоймость испорченного имущества будет удержана из вашей ренты.

Прыснув от смеха, братья разошлись по местам. Отец говорил с ними так, словно они все были детьми, хотя Колину недавно исполнилось двадцать семь, а Ланни и Перу соответственно двадцать пять и двадцать шесть.

— Как мама? — спросил Колин.

— Нормально. — Мистер Фразьер выразительно взглянул на Колина, давая понять, что все это только начало. Когда миссис Фразьер за что-то бралась, то превращалась в настоящее стихийное бедствие вроде торнадо, сметающее все на своем пути. И похоже, эта затея с графским титулом грозила стать ее очередным «крестовым походом».

Все это произошло три года назад, но недавно старый дом в Англии, что принадлежал графам Риптонам, был выставлен на продажу, и мистеру Фразьеру пришлось

применить все свое обаяние, чтобы отговорить жену от покупки дома. В результате достигнутого компромисса было решено приобрести все до единой хранящиеся там бумаги — «нашу историю», как она это назвала, — и переправить домой, в Виргинию.

Когда миссис Фразьер вернулась из своей поездки в Англию (она отправилась туда в одиночестве), ее домоладцы думали, что она, вероятно, купила штук десять коробок со старыми документами. Но «Федерал экспресс» доставила шесть контейнеров, содержащих профессионально упакованные сундуки, корзины, ящики и даже чемоданы, набитые пожелтевшими от времени бумагами.

Нельзя сказать, что мистер Фразьер обрадовался, узнав, что ему придется убрать из гаража гостевого дома два старинных автомобиля, чтобы сложить там сделанные его женой приобретения.

— Элея, — стараясь не выходить из себя, сказал мистер Фразьер, глядя на приобретенное ею имущество, — кто будет все... это... изучать?

— Не волнуйся, дорогой. Я уже обо всем позаботилась. Я позвонила Фредди, и мы с ним имели весьма долгую и плодотворную беседу насчет того, как решить эту задачу. И он предложил воистину блестящий план.

— Фредди? — спросил мистер Фразьер, стиснув зубы. Фредерик Джей Таунсенд был ректором университета, в котором училась его жена, и... ее давним бойфрендом. За этого мужчину она едва не вышла замуж. — И как поживает старина Фредди? — не разжимая зубов, поинтересовался мистер Фразьер.

— Отлично, как всегда. Он пришлет мне резюме дюжины молодых людей, которым по силам выполнить эту работу, вероятно, аспирантов, соискателей на степень доктора философии. Я выберу нескольких из них, и они приедут сюда на собеседование. Что скажешь, дорогой?